

Цзянь Нань посмотрел на Дунфан Циюнь и на мгновение растерялся:

—... Вы ко мне приехали?

— А как же, как же, — закивала Дунфан Циюнь, вздыхая. — Ты сам подумай, сколько времени уже домой не заглядывал, к тётушке не навещивался. Даже если работа загруженная, всё равно надо находить время отдохнуть. Я понимаю, вы, молодёжь, вечно заняты, всё некогда, вот я и решила сама приехать — заодно и путешествие, и отпуск.

Цзянь Нань мягко улыбнулся:

— Спасибо вам. Здесь и правда очень красиво, для поездки — отличное место. Жаль только, что я не смогу вас сопровождать. Зато брат Ли скоро собирается уезжать, да и, кажется, у него жар... Боюсь, придётся попросить вас за ним присмотреть.

Дунфан Циюнь бросила взгляд на Ли Чуаня.

Высокий и крепкий киноимператор Ли стоял рядом, а родная мать, осмотрев его с ног до головы, вынесла вердикт:

— Ладно, этот «экземпляр» уже, считай, испорчен воспитанием. Если бы не то, что заново рожать — разница в возрасте с тобой была бы слишком большая, я бы уже второго завела.

— ...?

Над головами всех присутствующих словно одновременно всплыли вопросительные знаки.

Особенно в прямом эфире — зрители буквально покатывались со смеху.

«Тётушка?»

«Вы что сейчас сказали, тётушка?»

«АХАХАХА, я сейчас умру от смеха!»

«Вот это да, Ли-гэ так нещадно бракуют родной матерью?!»

Уголок губ Ли Чуаня дёрнулся. Он сухо произнёс:

— Тогда мне остаётся лишь поблагодарить мать за то, что не отказалась от меня окончательно.

Дунфан Циюнь фыркнула и демонстративно проигнорировала его, повернувшись к Цзянь Наню:

— Ладно, Нань-Нань, иди работай спокойно. За него не переживай — от температуры он не умрёт.

.....

Цзянь Нань не знал, смеяться ему или плакать:

— Хорошо.

Они вдвоём попрощались с Дунфан Циюнь и отправились искать дедушку Лю. По дороге Ли

Чуань сказал:

— У моей мамы характер такой — лёгкий, резкий. Если где-то тебя задела, не принимай близко к сердцу.

Цзянь Нань чистил в руках яйцо и, услышав это, покачал головой:

— Нет, что ты. Мне она очень нравится. И дядя тоже. Они оба ко мне очень хорошо относятся. Я... всегда был им искренне благодарен.

Это была чистая правда.

Он крепко хранил в памяти каждого человека, кто хоть раз был к нему добр, и ни на мгновение не забывал оказанных ему благ.

Ли Чуань шёл рядом и, будто между строк, заметил:

— Видно, что и ты им очень нравишься.

Цзянь Нань уловил скрытый смысл его слов и решительно ответил:

— Просто тётушка — человек счастливый. Дядя так её любит, такое счастье выпадает не каждому.

По крайней мере — не ему.

.....

Ли Чуань уже собирался что-то сказать, но они как раз подошли.

Дедушка Лю возился у ворот с грядками. Увидев, что Ли Чуань и Цзянь Нань пришли вместе, он фыркнул:

— Вечно вы липнете друг к другу, и когда вам надоест?

У Цзянь Наня дёрнулся уголок губ:

— Дедушка, Ли-гэ пришёл с вами попрощаться.

Старик Лю убрал лейку и сказал:

— Не уходи пока. Зайди со мной.

Цзянь Нань и Ли Чуань переглянулись и последовали за ним. За день без присмотра маленький дворик выглядел немного неопрятным после дождя.

Дедушка Лю зашёл в дом, вернулся и протянул Ли Чуаню конверт:

— Здесь деньги за «Фэнхуантай». Возьми.

Ли Чуань мягко оттолкнул руку старика:

— Это всего лишь возвращение вещи её настоящему хозяину. Деньги, уплаченные тогда, пусть считаются платой за аренду за все эти годы. Я слышал, что эту одежду тогда заложили почти за бесценок, а её реальная стоимость была куда выше. Видимо, у вас тогда были срочные дела.

Но вещь всегда тянется к своему владельцу — значит, она с вами связана судьбой и изначально должна была принадлежать вам.

Лю Юцин был человеком прямым и не любил притворства. Видя, что Ли Чуань не принимает деньги, он убрал их обратно:

— Ты слишком учтив. А я, старик, не из тех, кто может спокойно пользоваться чужой добротой. Считай, что семья Лю теперь в долгу перед вашей семьёй.

Ли Чуань лишь улыбнулся.

Было видно, что это дело заметно изменило отношение Лю Юцина к нему: и выражение лица, и тон стали мягче. Он спросил:

— Ты уезжаешь?

Ли Чуань искоса взглянул на Цзянь Наня и только потом ответил:

— Да.

— Что ж, раз уезжаешь — значит, уезжай, — медленно произнёс старик Лю, сделав глоток чая.
— Но дорогу выбирать нужно правильно. В нашей деревне пути узкие: стоит свернуть не туда — и повернуть назад будет трудно. Есть вещи, которые можно упустить и потом вернуть. А есть такие, что — нет.

Ли Чуань молча стоял на месте, погружённый в раздумья.

Лю Юцин поставил чайную чашку, вылил из неё остатки настоя и, не торопясь, сказал:

— Пролитую воду не соберёшь обратно. Молодой человек, иди по дороге — и умей дорожить тем, что есть.

Цзянь Нань, стоявший рядом, уточнил:

— Вы хотите сказать... нужно вовремя остановиться и сократить потери?

Лю Юцин улыбнулся, откинулся в кресле-качалке:

— Если чувствуешь, что устал, и дорога слишком трудная — смени её. Слишком изматывающий путь априори неверный.

Цзянь Нань замолчал.

Лю Юцин посмотрел на стоящих перед ним двоих и с долгим, протяжным вздохом произнёс:

— Молодость... как же это хорошо.

— ?

К полудню киноимператор Ли так и не уехал.

Цзянь Нань вместе с дедушкой Лю привёл в порядок грядки, а киноимператор помогал рядом — как умел.

Цзянь Нань смотрел на него с явным скепсисом:

— Ты ведь никогда физическим трудом не занимался, да?

Ли Чуань ответил с полной серьёзностью:

— А разве это делается не так?

—

— Иди отдохни, — Цзянь Нань постарался сохранить ему лицо. — Тут я сам справлюсь.

Ли Чуань приподнял бровь:

— Я что, только мешаю?

Цзянь Нань покачал головой:

— Нет.

Киноимператор заметно расслабился. Ну вот, он так и знал — не может же он быть совсем бесполезным...

Но не успел он выдохнуть, как рядом раздался холодный смешок дедушки Лю:

— Ты вообще ни капли не помог.

—

Цзянь Нань не выдержал и фыркнул со смеху.

Лицо Ли Чуаня слегка потемнело, и в итоге он сменил тактику:

— Ладно, вы тут занимайтесь, а я пойду на кухню — готовить обед.

Цзянь Нань особого удивления не испытал, а вот дедушка Лю был явно поражён:

— Ты, выходит, и дедовское ремесло унаследовал?

Ли Чуань выпрямился:

— Стыдно признаться: у деда ученики по всей стране, а я освоил лишь малую часть. Говорить о «наследовании школы» я не смею.

Лю Юцин отвёл взгляд:

— Где уж вам, нынешней молодёжи, усидеть и всерьёз учиться тому, что мы, старики, передавали.

Неожиданно Цзянь Нань подумал о пекинской опере.

Говорили, что в молодости дедушка Лю тоже был знаменитым актёром — таким же кумиром публики, как сегодняшние звёзды: его боготворили, им восхищались.

Кто бы мог подумать, что закат традиционного театра наступит так быстро — и во многом потому, что он слишком сложен. Нужно начинать с детства, годами тренироваться... Где сейчас найдёшь ребёнка, способного усидеть и терпеть?

Ли Чуань сказал спокойно:

— Всё по-настоящему прекрасное живёт долго. Всегда найдутся те, кто сумеет это ценить.

Лю Юцин холодно усмехнулся:

— Пятьдесят шагов — не повод смеяться над ста.

—

Дедушка, может, вам всё-таки стоит говорить помягче.

Зрители в прямом эфире тоже не удержались от смеха:

«Мне кажется, дедушка сейчас тонко троллит Ли-гэ.»

«Нет, это не тонко. Это в лоб.»

«Хахаха, кто-нибудь, дайте дедушке книгу написать!»

Обед прошёл на удивление быстро. Внимательные фанаты заметили: кулинарные навыки киноимператора Ли — это не показуха. Не зря он постоянный участник «Кухни Китая» да ещё и в роли судьи: и нож держит безупречно, и блюда доводит до идеала.

Даже без запаха еды её вид был по-настоящему притягательным, а тёплая, живая «дымка» домашней кухни особенно трогала. Единственное различие заключалось в том, что Цзянь Нань, готовя, всё время думал о зрителях, старался поговорить с ними, а киноимператор Ли был другим — опустил голову и работал, не отвлекаясь ни на кого.

.....

Кто-то из фанатов вздохнул:

«Вдруг позавидовала «малышам» из дома Цзянь Наня.»

«Да... ощущение, будто его носят на ладонях.»

«И фанаты у Цзянь Наня какие-то удивительно спокойные и мягкие. Ни скандалов, ни шума.»

«Потому что сам кумир мягкий и не скандальный — вот и фанаты такие же.»

«Хахаха, ощущение, будто меня сейчас слегка задели.»

Когда весь стол был заставлен готовыми блюдами, Лю Юцин сел и с прищуром спросил:

— Ты разве не «больной»?

Цзянь Нань как раз хотел сказать то же самое:

— Здоровье важнее всего, не надо геройствовать.

.....

Ли Чуань раздражённо фыркнул:

— Ты что, правда решил, что я уже при смерти?

В уголках губ Цзянь Наня мелькнула насмешливая улыбка. Он опустил голову и послушно принялся за еду, решив не ковырять болячки одного киноимператора и пощадить самолюбие немолодого мужчины.

Обед прошёл довольно приятно.

В конце концов именно Цзянь Нань провожал Ли Чуаня. Летнее солнце било в глаза, ослепительно и жарко. Киноимператор обернулся:

— То, что было прошлой ночью... я объясню.

Цзянь Нань опустил взгляд и ровно сказал:

— Не нужно.

Ли Чуань молча смотрел на него.

— Знаешь, — продолжил Цзянь Нань, слегка приподняв брови, с редкой для него лёгкостью, — в Weibo недавно появилась новая функция. Перед каждым решением она спрашивает: «Вы уверены?»

Неожиданно Ли Чуань почувствовал, как в груди будто что-то резко кольнуло — короткая, острая боль.

Цзянь Нань немного подумал:

— Вчера я удалил много всего. И много раз нажал «подтвердить». И только тогда понял, зачем вообще нужно это «подтверждение».

Горло Ли Чуаня пересохло, тёмные глаза не отрывались от лица напротив:

— И зачем?

— Потому что, потом, возможно, будешь жалеть, — голос Цзянь Наня звучал мягко, но слова были холодными. — А если подтвердил — уже нет.

.....

Подтвердил — и больше не жалеешь.

Они стояли у машины, оператор не подходил слишком близко, поэтому зрители слышали разговор лишь обрывками:

«Жалеть...»

«Функция...»

«Решением...»

Набор слов, будто специально созданный, чтобы разогнать фантазию. Некоторые особо изобретательные фанаты тут же сдали свои «работы»:

«У тебя функция так себе, я жалею и принимаю решение разойтись»

«Я жалею, но хоть функция у тебя и плохая, всё равно решаю тебя принять».

«Хахаха, “дежурные по классу” сегодня уже слишком разошлись».

Обычный день шуточных фанатов: три слова — и машина юмора уже мчится на полной скорости, заодно поднимая хайп.

Попрощавшись с Ли Чуанем, Цзянь Нань вернулся. За помощь дедушке Лю с огородом он сегодня заработал немало баллов, а у Фэн Цзиня, похоже, тоже случилась неожиданная удача.

— Нань-Нань! — радостно замахал блокнотом Фэн Цзинь. — Смотри, сколько у меня!

Цзянь Нань наклонился, заглянул и просиял:

— Неплохо, Сяо Цзинь! Уже десять баллов!

Фэн Цзинь самодовольно хмыкнул:

— Круто, да? Я сегодня бабушке реально помог с большим делом. Это она мне баллы дала.

Цзянь Наню стало любопытно — с Фэн Цзинем всё-таки всегда нужен запас осторожности:

— Эм... Сяо Цзинь, а чем ты бабушке помог?

Фэн Цзинь ответил:

— Да у неё сегодня сын приходил. Я помог бабушке его выгнать. Он ещё грозился пожаловаться съёмочной группе. Но я что, рыцарь справедливости, буду его бояться? Взял и за дверь выставил!

Цзянь Нань замялся:

— А... из-за чего всё это было?

Фэн Цзинь почесал затылок:

— Я... я толком не знаю. Но раз бабушка дала мне баллы, значит, я точно сделал доброе дело.

Цзянь Нань ситуации не знал, зато зрители в чате уже не могли сдержаться:

«У меня есть что сказать.»

«Хахаха, сын бабушки Чжу не появлялся несколько дней, а она с характером такая: «Вон отсюда».»

«Да-да, сын ещё даже уговаривать не начал, а Сяо Цзинь уже взял — и реально выставил его за дверь.»

«ХАХАХАХА, я сейчас обоссусь от смеха.»

«Ага, бабушка Чжу, скрипя зубами, всё равно выставила баллы.»

«Спасите, это было правда очень смешно.»

Цзянь Наню всё это казалось подозрительно простым, поэтому он прямо сказал:

— В следующий раз, если у тебя что-то такое случится, может, сначала позвонишь мне, посоветуемся?

Фэн Цзинь с любопытством посмотрел на него:

— А что? Ты думаешь, я поступил неправильно?

.....

Дело было вовсе не в «правильно» или «неправильно».

Цзянь Нань чуть вздохнул. Как и ожидалось — мышление «молодого господина» и обычных людей действительно шло разными путями.

Но, к счастью, итог всё же оказался благополучным. По крайней мере, та бабушка на этот раз не вlepила Фэн Цзиню штрафных баллов. Значит... принять это она всё-таки могла. Наверное.

Вечером.

Цзянь Нань вернулся в отель отдыхать.

Теперь, когда у Фэн Цзиня появились собственные баллы, условия у него стали получше — он уже мог спать отдельно.

— Нань-Нань, ты же знаешь, что брат тебе один сценарий приглядел? Ну, тот фильм, помнишь? — позвонил Чжан Сяньчжоу. — Сейчас сценарий у меня на руках.

Глаза Цзянь Наня тут же загорелись:

— Правда?

Чжан Сяньчжоу подтвердил, но в голосе всё равно слышалась головная боль:

— Ты... э-э... в общем, сценарий, скорее всего, непростой. Это история времён Китайской Республики, «Облака и Дым Столицы». Фильм — даньмэй, и я думаю отправить тебя на пробы на одного из двух главных героев — Фэй Тина.

Имя показалось знакомым. Цзянь Нань задумался и вдруг осенило:

— Брат, ты хочешь сказать, что это... тот самый сценарий «Облака и Дым Столицы»?

Чжан Сяньчжоу рассмеялся:

— Именно он.

!!

Цзянь Нань больше не мог усидеть на месте.

«Облака и Дым Столицы» — миллионный по объёму роман, популярный ещё с его студенческих лет. Он был на пике годами. Потом говорили, что экранизация давно планируется, но из-за кастинга всё откладывали. Цзянь Нань всегда любил этот роман, завидовал актёрам, которые когда-нибудь сыграют в нём... и он никак не ожидал, что однажды сможет исполнить роль Фэй Тина — персонажа, которого обожал.

Но после вспышки восторга он тут же сник:

— Брат... я не смогу сыграть Фэй Тина.

Чжан Сяньчжоу нахмурился:

— Нань-Нань, ты чего такие похоронные речи заводишь? Фэй Тин — отличная роль. За одно только право на пробы люди дерутся.

— Я знаю, — тихо ответил Цзянь Нань, — но Фэй Тин — знаменитый сценический артист. У меня нет театральной базы. Все эти сцены на подмостках я просто не вытяну. А «Цзинхуа» — это же огромная команда, там наверняка куча «сильных» актёров, маститые ветераны... Я новичок. Я правда боюсь, что не потяну и только опозорюсь.

Тут Чжан Сяньчжоу решил говорить прямо:

— Масштаб там, конечно, колоссальный. «Цзинхуа» готовили пять лет, только ради костюмов объездили всю страну, а уж про остальное и говорить нечего. Режиссёра ты точно слышал — Бай Цзинхуэй. Большая фигура в киноиндустрии. И по тому, что мне уже удалось узнать, в проекте будет сниматься и киноимператор Ли. Причём не в главной роли. Сам подумай, какой это уровень.

Цзянь Нань удивился:

— Ли-гэ тоже участвует?

— Так чего ты боишься? — рассмеялся Чжан Сяньчжоу. — Не тяни резину. В работе не стоит смешивать личные чувства. Скажу тебе честно: сначала я и не собирался толкать тебя в проект такого масштаба. Это со стороны режиссёра Бай вышли на меня — он сам предложил, чтобы ты попробовался на Фэй Тина.

Цзянь Нань окончательно опешил:

— Режиссёр Бай?.. Почему он вообще обратил на меня внимание?

Чжан Сяньчжоу тут же возмутился:

— А что такого? Чем ты плох? Наш Нань-Нань ничем не хуже других. Но я тебе сразу всё обозначу: у режиссёра Бая есть одно условие. Пробы через месяц. И за этот месяц с лишним он хочет, чтобы ты максимально быстро вошёл в театральное ремесло — пусть не идеально, но хотя бы чтобы выглядело убедительно.

Искра в сердце Цзянь Наня тут же погасла. Он едва не расплакался:

— Брат, ты издеваешься? Я же сейчас ещё снимаюсь. Минимум десять-пятнадцать дней до конца. Как мне за это время успеть войти в театр?..

<http://bllate.org/book/12642/1121329>